

18+

Анатолий
Соколов

Колода судьбы

Анатолий Соколов

Колода судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71641720

ISBN 9785006507869

Аннотация

Эта книга о непредсказуемости жизни, о не проявленных силах, которые управляют судьбой, заставляя героя сделать крутой поворот даже в том возрасте, когда «походку уже не меняют».

Содержание

Колода судьбы	5
Осень	6
Крутой поворот	12
«Цыганочка»	20
Влад Крачевский	29
«Неоконченный проект»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Колода судьбы

Анатолий Соколов

Редактор Сергей Соколов

© Анатолий Соколов, 2025

ISBN 978-5-0065-0786-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Колода судьбы

*Колея эта только моя.
Выбирайтесь своей колеей!
В. Высоцкий.*

Парк щеголял своим прощальным убранством, наслаждаясь последним теплом бабьего лета. Федор Николаевич бродил по едва заметным, занесенным опавшей листвой, тропинкам. Книга не отпускала. Эпизоды жизни, его и его героев, реальные и придуманные, словно карты из колоды – колоды судьбы – распластались перед глазами Федора замысловатым пасьянсом, возвращая его то к событиям совсем еще недавним, то к временам детства и юности.

Осень

Осень полыхала всеми оттенками желтого. В эту пору я часто грущу, размышляю о скоротечности жизни и неизбежности смерти. Осенью смерть не кажется такой пугающей, она воспринимается, как продолжение жизни, как переход в иное. Осенью смерть гармонично встроена в бытие природы.

Моя внутренняя женщина (Карл Юнг называл эту сущность анимой) опять начала меня критиковать за мое одинокое существование, уверяя, что мне непременно нужна подружка. На что я резонно возражал, предлагая вспомнить, сколько подружек было ей отвергнуто. Думаю, она жила в глубинах моей психики с момента рождения, но прислушался к ее голосу я лишь во второй половине жизни, когда судьба проехала по мне безжалостным катком неудач и болезней. Я частенько с ней не соглашался, но сколько раз она меня выручала. Аниму свою я называю Аленой, может, потому, что так звали мою маму и еще одну женщину...

11-й «Б» решил отметить 25-летие окончания школы. Сзвонившись, мы нагрянули к нашей классной. Быстро порезав принесенную закуску и откупорив бутылки, народ разместился за столом. Я подсел к Тане Говорухиной, в которую был влюблен в школьные годы, и, немного захмелев, сделал

запоздалое признание, на что она кокетливо ответила:

– Не ты один!

Я, конечно, знал, это она про Юрку Соломина, моего друга.

– Что слышно от Юрки, где он? – поинтересовался я.

Таня ответила неохотно, с досадой в голосе.

– Он в Америку уехал, в Кембридже работает. Это все, что знаю, мы давно не общались...

С Юркой у нее не сложилось. Похоже, ей не хотелось бередить рану, и она поспешила вернуть разговор в прежнее русло.

– А ты знаешь, кто был влюблен в тебя?

– Нет, мне не до девчонок было, я тренировался по два раза в день, только на тебя и поглядывал. И кого же я проморгал?

– А с кем ты рядом на выпускной фотографии?

– Алена Белкина? – неуверенно произнес я.

Тут народ загалдел и начал кучковаться для группового фото. Я пристроился к Аленке и, как бы невзначай, шутиливым тоном спросил:

– Аленка, а правда, что ты была влюблена в меня?

– Правда, милый, – ответила Алена и легонько обняла меня за плечи.

Я взглянул ей в глаза – там, в глубине, трепетала растревоженная девичья любовь. Мне стало как-то неловко, я не ожидал такой откровенности, думал – она тоже отшутит-

ся... На фото мы опять стояли рядом.

Пошумев еще немного, мы расстались с учительницей, гурьбой выкатили на улицу и стали прощаться. Я обнял Аленку, она доверчиво прижалась ко мне всем телом, ожидая поцелуя... Но тут подскочила Верка Синявская и с криком: «Аленка, наш автобус!», – вырвала ее из моих объятий и потащила за собой. На остановке Алена обернулась, помахала мне рукой, что-то прокричала. Я расслышал только: «... прощай!»

Еще долго я смотрел вслед уходящему автобусу, который навсегда уносил мою неслучившуюся любовь.

Через полгода Алены не стало. У нее был рак. Тогда, на вечеринке, она знала, что скоро умрет. Когда ее хоронили, осень полыхала всеми оттенками желтого... И как-то нечаянно в сознание ворвались вот эти строчки:

Прощай, моя любимая. Прощай.
Судьбой заказан путь... И, вероятно,
Его не повернуть уже обратно,
Туда, где миражом забрезжил рай.
Туда, где полыхала краской осень,
Где плотью наливались сады.
И неба чуть подернутая просинь
Еще не предвещала нам беды.

...

Уже замерзли капли на стекле.
Зима в свои права уверенно вступила.

И мне уж не услышать больше: «Милый...»
И не прижать твою ладонь в своей щеке...

...Федор бродил по тропинкам и вспоминал, как он, технарь по образованию, «дошел до жизни такой» – занялся литературой?

«А начиналось все, как это часто бывает, с глубокой ямы, с черной полосы, с жизни, потерявшей смысл на самом ее закате. И яму эту я вырыл для себя сам, решившись на крутой поворот в том возрасте, когда „походку не меняют“ и смысла в жизни, как бы она ни сложилась, уже не ищут...» – напишет Федор в своей книге.

Да, не меняют... не ищут... на закате... Но изменения – это сущность природы и что-то же, какая-то скрытая в глубинах психики сила, заставила Федора сделать этот шаг. Я открою тебе эту, в общем-то, небольшую тайну, читатель, но всему свое время.

...Этот парк был его «местом силы». Здесь, когда-то в детстве, он резвился со сверстниками (парк в то время был просто кусочком дикого леса), здесь, в юности, встречался со своей девушкой, здесь играл с сыновьями. Потом жизнь пошла наперекосяк, и они – он и парк – надолго расстались друг с другом, но какая-то незримая нить связывала его с этим местом. После долгих жизненных мытарств Федор

снова поселился неподалеку. Здесь он спасался от душевной смуты, здесь рождались стихи и главы его новой книги.

Книга была почти закончена, и Федор уже представлял себе лежащий в сумке свежеиспеченный экземпляр, пахнувший типографской краской. Эх, если бы не последняя глава. Эта упрямица жила своей жизнью и никак не хотела вписываться в контекст повести. Как капризная женщина, она дразнила, возбуждала, потом показывала язык и становилась неприступной. Федор порывался выбросить ее совсем. Но это было уже невозможно. Он чувствовал, что решение где-то рядом, в каком-то параллельном пространстве, и нужно как-то прорваться за завесу.

...Мало-помалу воспоминания утомонились, отошли на задний план. Федор вышел на центральную аллею и направился к выходу.

На скамейке недалеко от ворот парка сидела женщина лет 45-ти и читала книгу. Взгляд лениво скользнул по обложке: Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита».

«Бабочка взмахнула крыльями» – угасшее было изображение встрепенулось, породило неожиданные образы, каскад мыслей устремился к точке сборки. Разрозненные наброски главы, действия, с которыми он никак не мог совладать, закружились в стремительном вихре, втянули в себя и его самого, и его героев, и этот парк, и эту женщину...

Мы еще вернемся к непокорной главе, а пока последим за воспоминаниями Федора, послужившими основой книги,

пошуршим «опавшими листьями».

Крутой поворот

Я ушел на пенсию, как только позволил возраст, так и не закончив начатый проект, который, хотя и представлял для меня профессиональный интерес, уже не вызывал былых творческих амбиций.

Радиоэлектроника, которую я когда-то считал своим призванием, давно уже превратилась в ремесло, средство для существования. Фирма, где я трудился последние годы, сильно помолодела, и я ощущал себя ископаемым динозавром. Жизнь, кипевшая вокруг меня, не вписывалась в рамки моих привычных представлений и устоявшихся шаблонов, которые я считал жизненным опытом.

Менять работу не хотелось: опять надо будет привыкать к новому коллективу, доказывать свою значимость, профессионализм, а это в моем возрасте накладно для психики. Склонность к рефлексии и воспитанное в детстве стремление к идеалу (с этим ничего уже не поделаешь), заставляли находить пробелы в образовании. Я завидовал молодым и более талантливым, тянулся за ними. Но возраст брал свое. Технологии стремительно уходили вперед, и я, ведущий инженер, с трудом осваивал то, что студенты стали изучать в вузе. Я понимал, что не угонюсь за ними. Спускаться по служебной лестнице не хотелось, а на руководящие должности я не претендовал – не мое это, совсем не мое. Мне с «желе-

зом» общаться всегда проще было, чем с людьми. Последнее время я работал ради денег, которые намеревался использовать в старости. Неизвестно, что там впереди, – жизнь научила меня осторожничать, хотя по натуре я скорее авантюрист. Да и сыновьям надо было помочь, для меня они оставались детьми. Я чувствовал ответственность за их будущее, хотя в глубине души понимал, что у них давно уже своя жизнь и лучше бы мне в нее не вмешиваться с наставлениями и помощью.

Через болезни, из которых не мог выбраться, подталкивала бросить работу. Организм разваливался по всем направлениям. Я понимал, что причины недугов надо искать «в голове» – душа была беспокойна. Приближалась старость и дряхлость. Отсутствие смысла дальнейшего существования, неизбежность смерти вгоняли в отчаянную тоску, с которой все труднее было справляться.

Масла в огонь подливали нарастающие экономические и политические проблемы в стране. Пресловутая «стабильность», которая почему-то так желанна для большинства населения, меня совсем не радовала. Любая стабильность – это застой, она чужда природе, чужда эволюции. Я понимал, что при моей жизни ситуация вряд ли изменится. Свеча горела с обоих концов. «Кочка опоры» ускользала из-под меня, а вокруг была трясина. «А как хорошо все начиналось...» – думал я, саркастически усмехаясь. В усмешке этой сквозили и тоска по безвозвратно ушедшей молодости, и досада

на жизнь, которая, несмотря на все потуги, никак не хотела «под меня ложиться». И выстроилась совсем не так, как я когда-то мечтал. «Пора завязывать, сколько можно на дядю работать, займусь здоровьем, будет время подумать, может быть, еще удастся что-то сделать в этой жизни», – уговаривал я себя, принимая решение. А приняв, стал искать повода. И повод не заставил себя долго ждать.

Дело было так.

Нашему отделу предложили перспективный дорогой заказ по разработке системы диагностики для газоперекачивающей станции. Народ в отделе был тертый, и, прочитав техническое задание, в котором было много подводных камней, никто не спешил браться за проект, ждали, на кого повесят. И тут вперед вышел молодой, как сейчас говорят, «эффективный менеджер» и сказал, что он берется за проект. Прекрасно представляя способности этого парня, назовем его Максимом, я знал, что с работой он не справится.

Максима приняли в отдел года четыре назад, по моему поручительству. В то время я был завален работой, мне нужен был помощник. И тут начальник привел студента на преддипломную практику и предложил мне с ним побеседовать, мол, если подойдет – возьмем, воспитаешь, будет тебе помощник. Первое впечатление от разговора было удручающим, парень не знал азов. Я удивился, как он вообще поступил в вуз, как сумел продержаться 5 лет. Парень показался мне скромным, рассудительным, он искренне признавал

пробелы в образовании, но обещал подтянуться и очень просил не отказывать ему. Подумав, я согласился. Первое время Максим беспрекословно выполнял все мои поручения. Я был доволен, что наконец-то избавился от рутинной работы и занялся делом. Пообтершись, Максим начал брать на себя инициативу, в основном в организационных вопросах, я не возражал, менеджер он был действительно неплохой. И вот, почувствовав в себе силы, Максим решил, что настал его звездный час. Убедив начальника, что систему можно собрать из готовых компонентов, которые есть на рынке, и что он с этим легко справится, Максим приступил к работе. Я с любопытством наблюдал за этой кутерьмой, иногда, видя, что парень «гребет» не туда, добродушно давал советы.

Закупив необходимое «железо», Максим понял, что собрать систему не сможет: где-то не стыковались уровни входных и выходных сигналов, где-то – протоколы обмена. Он не понимал, как соединить устройства, чтобы их не спалить. Одним словом, Максим понял, что влип. Проблемы его были решаемы, я знал, как их обойти, и ждал, что он попросит помощи. Но Максим поступил по-другому.

Прикрывшись тем, что кроме этого проекта на нем висела куча организационной работы, которую он нахватал для повышения престижа и, естественно, зарплаты, Максим убедил руководство передать проект мне. Я в это время был не сильно загружен, на чем и сыграл Максим. Я был возмущен его вероломством и отказался. Заявил, что «за того парня» рабо-

тать не намерен. Начальник настаивал, но я «закусил удила». Конфликт разрастался, и я подал заявление на увольнение. Начальник демонстративно его подписал, надеясь, видимо, что я остыну и передумаю. А я ощутил вдруг необычайную легкость, словно гора с плеч упала, сомнения начались позже, в тот момент я был уверен, что поступаю правильно.

Первую неделю я отсыпался, наслаждался желанной свободой, жалел, что не ушел раньше. Но эйфория быстро прошла. Я понял, что без дела сидеть не смогу. Несколько «халтур» закончились, так и не начавшись. Работодателей не устраивали или предлагаемые решения, или цена. И я «постановил», что с радиоэлектроникой надо заканчивать. Но это легко сказать, я отдал ей сорок лучших лет. И все-таки мы расстались... Так расстаются с когда-то любимой женщиной, жизнь с которой превратилась в тягость и держалась лишь на привычке.

Я начал примерять на себя разные занятия, перебрал кучу вариантов. Как советовали психологи, задавал себе три «магических» вопроса: «Что ты больше всего любил делать в детстве? Чем бы ты занимался, если бы знал, что жить осталось полгода? Чем бы ты занимался, если бы тебе за это не платили?» Но так ни на чем и не остановился. Что-то было уже недоступно из-за возраста, а что-то не находило отклика в душе. Вспыхнув, огонек желания быстро угасал. Я понял, что поторопился с увольнением, не просчитал последствий, не подготовил почву, но, как говорится, «лом уже проплыл».

Получив желанную свободу, я оказался в пустоте – в хаосе, и совершенно не понимал, как справиться с этим состоянием. Я ожидал, что организм привыкнет, приспособится, но становилось все хуже. Бессонница и тревога, мои неизменные спутницы в путешествии по жизни, решили объединиться, лишая последних сил. Эти дамы, похоже, родились вместе со мной. Пока я был молод, полон энергии, имел поддержку во внешнем мире, они лишь изредка давали о себе знать. Но теперь, когда впереди зияла пустота, они полностью овладели моим существом. Иногда мне удавалось с ними договориться, но перемирие было, как правило, недолгим. Мне оставалось только просить пощады.

Жизнь совсем потеряла смысл, обмякла, потускнела, оуклилась в пространстве однокомнатной квартиры. Превратилась в череду рутинных действий, необходимых для существования: сходить в магазин, приготовить обед, прибраться. Тело жило по инерции, завершая биологический цикл. А душа... душа спряталась где-то, проявляя себя лишь через телесные недуги. Тревога стихала, ей нравилась эта размеренная жизнь, не таящая никакой угрозы. Иногда, во время нечастых прогулок в лесу, душа, окунувшись в живое, и сама оживала, наполнялась надеждой: «А вдруг это еще не конец, вдруг еще что-то возможно в этой жизни?» Тревога, как сторожевой пес, тут же поднимала голову, и душа опять скрывалась в своем убежище...

«Эх, Федор, Федор, Федор Николаевич... Ведь не тридцать тебе и даже не пятьдесят. Сколько уже раз обжигался... Свободы захотелось? Новенького чего-то? Только-только жизнь, кажется, успокоилась. У тебя даже проекта будущего нет... Ты так и не понял, что самая большая несвобода, рабство, если хочешь, это несвобода от самого себя. От себя-то не убежишь...» – так размышлял я, безнадежно критикуя себя за опрометчивый, как мне тогда казалось, поступок, круто изменивший жизнь.

Надо было как-то выплывать из этого засосавшего меня омуту безнадеги.

Нужна была живая струя в жизни, и... я решил купить новую квартиру. Старой требовался капитальный ремонт, а как его делать в однокомнатной-то, куда съезжать? Я подумал, что проще купить новую, благо деньги были. Современная квартира, свежая цветовая гамма, новые соседи, хлопоты по обустройству отвлекут от мрачных мыслей, думал я. Как же я пожалел о принятом решении! Груз забот, свалившихся на мою голову, и более молодым-то был бы в тягость. Безнадега, вызванная сменой образа жизни, перетекла в отчаяние из-за неспособности решить возникающие проблемы с квартирой. Как я выдержал? На высоте напряжения спасался цитатой из Венедикта Ерофеева, подаренной как-то старшим сыном: «Все на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек...» –

помогало иногда.

Квартирные хлопоты, в конце концов, завершились, и старые проблемы полыхнули вновь, они, конечно же, никуда не делись, лишь прикрылись на время сиюминутными задачами. Но были и островки надежды среди этого тревожного моря.

«Цыганочка»

– Федя, здравствуй. Это Люба звонит. Я в командировке тут у вас, можно у тебя остановиться на два дня?

– Конечно, приезжай, чего спрашиваешь.

– Спасибо!

– Ты адрес-то знаешь?

– Знаю, знаю.

– Нет, не знаешь! Я переехал в новую квартиру.

– Ой, как здорово! Говори, я запомню.

Я назвал адрес.

– Сейчас подъеду, жди!

Люба, брюнетка с черными, как смоль, волосами и пронзительными голубыми глазами, «наша Цыганочка», как называла ее мама, – моя двоюродная сестра по материнской линии (цыганская кровь досталась ей от отца, а глаза от матери), влетела в прихожую и повисла у меня на плечах.

– Федечка, здравствуй! Как я рада тебя видеть! Я на семинар приехала, на два дня. Вещи оставлю и уберу, семинар через час. Но сначала взгляну одним глазком на твою обнову.

Люба скинула обувь и ураганом пронеслась по квартире.

– Шикарно! Ну все, машина ждет, я исчезаю, вечером поболтаем, – протараторила сестра и умчалась, оставив за собой шлейф каких-то экзотических духов и возбужденное пространство.

Люба работала менеджером по подбору персонала в филиале известной нефтяной компании в Нижневартовске. Она вышла замуж за вахтовика-нефтяника, а потом семья переехала на север «на ПМЖ».

Вечером Люба притащила кучу всякой вкуснятины, а как ее приходу потушил мясо с картошкой, достал из записки коллекционный коньяк, и мы сварганили знатный ужин. Немного захмелев и утомившись, разговорились «за жизнь».

– Ну, рассказывай, что за семинар, и как поживаешь там «на северах»?

– Да все нормально, работаю, суечусь, дети здоровы, муж накормлен, на фирме уважают. Начальник, вот, послал на повышение квалификации: головная фирма проводит семинар по психологическому тестированию персонала. Жизнь «на северах» посуровее, чем на «большой земле». Да и люди другие: проще, понятнее. А как ты?

– А я отсуетился, на пенсию ушел, а чем жизнь заполнить, не знаю. В профессию возвращаться не хочу, я там все сделал, что смог. Со здоровьем проблемы: позвоночник не дает покоя, депресняк донимает, да еще с квартирой этой столько заморочек возникло, до сих пор отойти не могу... В общем – невесело.

– Невесело... Федя, а зачем тебе новая квартира понадобилась? У тебя и старая была неплохая и в хорошем месте.

– Кто-то на склоне лет женщину заводит, кто-то собачку,

а я вот – новую квартиру. Мне кажется, это безопаснее, – съязвил я. – Зачем? Это был поиск комфортного психологического пространства, но, похоже, – новых «крепостных стен». После увольнения старые мифы, на которых жизнь строилась, которые опорой служили, рухнули. Их надо было чем-то заменить. Ну, и вот, это была попытка преодолеть психологические проблемы в физической реальности. Наверное, так.

– Решились проблемы?

– Да как тебе сказать? Нет, конечно, но жизнь стала гуще, меня как бы выдавило на поверхность из воронки, которая совсем было засосала. Закон Архимеда, однако. Помнишь детскую прибаутку? «Тело, впернутое в воду, не утонет в ней отроду, ибо прет из-под туды с силой выпертой воды»

– Не, мы такого не проходили.

– Темнота, закон Архимеда не знаешь! А у нас популярная была прибаутка, в пятом классе... Или в шестом? А если серьезно, всплыть-то я всплыл, теперь надо как-то до берега добраться, а силы уже на исходе, да и куда плыть, непонятно, берега в тумане не видно...

– Федя, а хочешь, я тебе погадаю?

Я усмехнулся.

– Ну, погадай, «Цыганочка».

– А ты не смейся. Это все серьезно.

Люба достала из сумочки колоду карт.

– Это карты Таро. Говорят, что цыгане привезли Таро

в Европу из Египта. Существует такая легенда: чтобы сохранить сакральные знания, древние египтяне спрятали их... в порок. Картинки на картах – это мифологические символы, образы, которыми говорит с нами наш внутренний мир. Чтобы понять неразбериху в своей жизни, надо поискать подходящий мифический образ, архетипическую фигуру, с которой ты себя ассоциируешь на бессознательном уровне, проще сказать, ту, что тебя привлекает. Сюжет мифа и описание карты дадут подсказку – что не так и куда надо двигаться.

– Ну, попробуем? Поговорим с твоим бессознательным?

– Давай попробуем.

– Нам потребуются только старшие арканы, это символы различных этапов жизненного пути, которые каждый из нас проходит в той или иной мере.

Люба отделила от колоды какие-то карты, а оставшиеся разбросала на столе.

– Расслабься, перемешай карты и начинай их тасовать. Тасуй, пока не почувствуешь покой и удовлетворение, потом сдвинь колоду. Так, теперь раскладывай карты. Сначала – в два ряда по пять, картинками вверх. Выбери из первого ряда ту карту, которая тебя притягивает: наиболее приятную и интересную. Положи ее слева. Затем из второго ряда выбери наиболее неприятную, отталкивающую, и положи ее справа. Остальные открытые карты отложи в сторону. Повтори все это с оставшимися в колоде картами еще раз, только теперь понравившуюся карту положи снизу, а неприятную –

сверху. В колоде осталась одна карта, положи ее в центре.

Я выполнил все указания.

– Ну и что все это значит? – недоверчиво спросил я.

– Карта в центре – это символ твоего «Я», она указывает на твой талант и на тот путь, которым надо идти, чтобы его реализовать. Карта слева – это помощница, она символизирует твои положительные качества. Карта справа – отрицательные, мешающие качества. Карта сверху говорит о том, за что ты себя осуждаешь и не любишь. Карта внизу указывает на то, что надо сделать, чтобы обрести уверенность, примириться с собой. Сейчас помолчи немного, мне надо сосредоточиться.

Казалось, Люба впала в транс, выключалась из реала, слилась с этими ничего не говорящими мне картинками. Так продолжалось несколько минут, потом она заговорила.

– Твоя жизнь, Федя, катится по рельсам совершенных ошибок, неверных выборов, уводящих от вектора судьбы. Покинув профессию, ты потерял опору во внешнем мире. Все-таки это была часть твоей жизни, в которой ты реализовал один из своих талантов, может быть, неглавный. Возможно, за твоим уходом скрывается какая-то трудная задача, с которой ты не справился или не захотел ее решать. Возможно, что-то еще, какая-то скрытая сила (тут противоречивая карта справа выпала, я не все поняла). И депрессия твоя от этого, а чтобы не испытывать душевной боли, ты закрылся от мира, соорудил клетку для души. Ты пытался найти

наставника, единомышленников, но твое недоверие к жизни помешало. Тебе надо свою «религию» выстраивать – из хаоса, из тьмы, в которую душа сейчас погружена. Самому стать источником света, ну хотя бы искоркой, дарящей кому-то надежду. В последней трети жизни уже не хочется никаких сражений. Но мир жесток, он обманывает, унижает, использует. Меч и лира должны уравнивать друг друга. Особенно в жизни мужчины. Чем дольше он способен владеть мечом, не отдаваясь лире: бессознательному, чувственному, тем дольше сохранит вкус жизни. А твой меч, Федя, давно заржавел в ножнах. Вынь его, отполируй и наточи. Ты увидишь, как заиграет булатная сталь, как проступит на лезвии гравировка: символ поддержки и помощи.

Сейчас ты ощущаешь крах всех своих планов, бессмысленность существования. Душу заполняет пустота, но эта целительная пустота. Из нее должна родиться новая жизнь. Прислушайся к своей интуиции, она подскажет верный путь. Без творчества, без поиска тебе не обрести опору и не подружиться с жизнью. Какие-то свои таланты ты реализовал, а что-то осталось нереализованным. Энергия этого нереализованного требует выхода, тревожит тебя. Вспомни, в детстве ты любил сочинять разные истории и записывал их, мама твоя мне рассказывала про «тайную тетрадку». Может быть, это был один из невоплощенных талантов? Подумай, как его раскрыть. А про здоровье карты говорят, что проблемы с позвоночником – это кармические проблемы. Вероят-

но, ты в прошлых жизнях был врачом и не смог или не захотел помочь кому-то из своих пациентов с подобными болезнями... Я знаю, что тебя всегда тянуло к медицине, но врачом ты не стал, побоялся. Это от неизжитой кармы, мне кажется. Чтобы разорвать кармическую цепь, ты должен справиться с проблемой сам и помочь нуждающимся: советом, личным опытом.

– А есть она, эта другая жизнь?

– Я думаю, что есть, в какой-то иной форме, но есть, иначе, зачем природа создала такие сложные организмы. Возможно, душа (ну, или информация, накопленная при жизни) переходит каким-то образом в другие тела, о чем говорят учения Востока. Мы не знаем и, видимо, никогда не узнаем, как мир устроен: «Ignoramus et ignorabimus» – это Дюбуа-Реймон. Видишь, какая я умная, а ты – «закон Архимеда не знаешь...»

Ну вот, пожалуй, это все, что мне карты поведали, вернее – твое подсознание через карты.

Конечно, не все в предсказаниях Любы соответствовало моим представлениям о себе и отношениям с миром, но в этом, несомненно, что-то было, какие-то смыслы пытались прорваться сквозь фильтры разума.

– Да, забавная сказочка у тебя получилась, – озадаченно произнес я. Ну не мог же я признаться, что поверил гадалке, что действительно почувствовал связь с чем-то иррациональным, потусторонним.

– Это не сказка, Федя, и не я ее придумала. Это твое подсознание на своем символическом языке нам поведало. А мы попытались настроить его ресурсы тебе во благо. Получилось ли это? Время покажет, символы – штука тонкая.

А теперь пойдем спать, мне завтра рано вставать, а у тебя во сне все разложится по полочкам.

На следующий день Люба уехала и увезла с собой частичку чего-то родного, давно забытого... Мое жизненное пространство вновь наполнилось напряжением и тревогой. Мелькнувший было образ возможного будущего померк, подернулся паутиной, растворился. Я пытался размышлять над тем, что запомнил из ее предсказаний, но вынуть заржавевший меч из ножен оказалось ох как трудно, как ни пытался я напрячь воображение, никакая гравировка не проступала. Я так и остался до поры до времени со своими «тараканами».

Повинуясь укоренившейся привычке доводить начатое до конца, я решил разобраться с этим Таро (разум требовал ясности). Я полез в интернет, но натолкнулся на горы разноречивой информации, от мистики и откровенных спекуляций на этой теме до серьезных философских и психологических исследований, что понял: оставшейся мне жизни явно не хватит, чтобы разобраться в этом. Задача повисла, осталась неразрешенной. Опора, которую я в очередной раз пытался найти, совсем не там, где она живет, в очередной раз ускользнула. Где-то глубоко внутри что-то саднило, какая-то заноза, оставленная Любой, не давала покоя. Накопившиеся

болезни, опять подняли голову. Такого напора я не ожидал...

Я чувствовал, что сам не справлюсь. «Надо бы показаться врачам», – бубнила тревога. Но врачам я не доверял, кроме, пожалуй, моего товарища – Влада Крачевского – неисправимого циника и грубияна, но классного врача-невролога. Возможно, причины такого недоверия крылись в кармической плоскости, как утверждала моя сестра, но в карму я не особо-то верю. Хотя к медицине и правда всегда тянуло: интересно было, как работает машина, на которой едешь.

Эх, был бы жив Влад...

Влад Крачевский

Травмированная в молодости спина болела уже который месяц. Я давно привык к этим болям, но на этот раз обострение затянулось, и я набрал знакомый номер.

– Неврология, Крачевский, слушаю.

– Привет, Влад, это Федор Надеждин. Проблема у меня опять с позвоночником, как бы мне с тобой встретиться?

– Привет, Федор! Ну приходи. Завтра часа в четыре ко мне в кабинет.

– Снимки свежие принести?

– Принеси, если хочешь, мне и так твой позвоночник по ночам снится, – съязвил Влад.

– Спасибо, до завтра.

С Владом меня свела спортивная жизнь. Мы тренировались у одного тренера, но в разных группах: Влад был старше меня на три года. Тренер часто объединял занятия, чтобы молодежь набиралась опыта и тянулась за «стариками». В своей группе Влад был лидером, он уже прыгал за шесть метров, а я только мечтал о шестиметровом рубеже. На одной из таких совместных тренировок я дал Владу бой, ничуть не смущаясь его опыта. В тот день прыжки у Влада почему-то не ладились, я же, наоборот, был в ударе, и получилось так, что мы сражались на равных. После этого по-

единка Влад меня зауважал, мы стали не то чтобы друзьями, но хорошими товарищами. Влад закончил медицинский, отслужил в армии и устроился врачом-неврологом в нашу районную больницу. Он быстро дорос до заведующего отделением, а я стал бластным пациентом. Магическая фраза: «Я от Крачевского!» была моим «золотым ключиком».

В назначенное время я заглянул в кабинет Влада.

– Можно?

– Заходи!

Влад жевал ватрушку с творогом и чем-то запивал прямо из старенького потертого термоса, похоже, сохранившегося со студенческих лет. Я обратил внимание, что лицо его было как-то странно искажено: левая щека отвисла, а глаз полностью не открывался.

– Сейчас дожужу и займусь тобой, пообедать не удалось сегодня.

Покончив с едой, Влад спросил:

– Ну, что у тебя?

– Остеохондроз замучил.

– «Остеохондро-о-оз!» – передразнил Влад. – Ну тебе простительно, но врачам... За диагноз «остеохондроз позвоночника» по поводу боли в спине, записанный в медицинской карте, я бы увольнял по профнепригодности. Только в России, где все через задницу, но зато по-своему, остеохондроз превратили в метафору любой боли в спине. Деся-

ток нозологических форм в одной метафоре. Разбираться-то не хочется. Хотя, с другой стороны, зачем разбираться, лечение все равно одно – МММ (мовалис, мидокалм, мильгамма).

Если кошке наступить на хвост, она будет кричать, но если ей заткнуть рот, то как бы все в порядке. Вот так и мы лечим: затыкаем рот проявлениям болезни, устраняем симптомы таблетками. А у каждой таблетки масса побочных, а от них другие таблетки со своими побочками... Зато по протоколу, и врач ни за что не отвечает, если бумажку заполнил правильно. Принцип «Не навреди!» перевернут на сто восемьдесят градусов: «Не навредить бы себе».

В большинстве случаев боль в спине – это боль мышечная. А мышцами как системой никто не занимается. Даже врачебной специальности такой нет. Специалист по горлу есть, а по мышцам – нет. А их в организме более 600, и это только скелетных. И все они, между прочим, друг с другом связаны. Вот и лечат мышцы и травматологи, и неврологи, и остеопаты, каждый своим методом, а целостного подхода к мышечной системе нет. Впрочем, как и к целостному организму.

Извини, наболело, излагай, в чем проблема?

– Спина болит, не отпускает, месяца три, все перепробовал: и таблетки, и мази, и упражнения.

– И ты от меня хочешь, чтоб не болела? Я тебе новый позвоночник не могу вставить. «Повеселились» мы в молодости, у меня вот с шеей проблемы, – проворчал Влад, рассмат-

ривая снимки, и скомандовал:

– Раздевайся и ложись на кушетку.

После осмотра Влад удовлетворенно сказал:

– Ну, все не так плохо на этот раз, позвоночник твой ни при чем. Миофасциальный синдром это называется: триггерные точки у тебя в квадратной мышце поясницы. Мышца перенапряглась, отдельные волокна не смогли восстановиться, слиплись, возникло болезненное образование, если понятным языком говорить. Наверное, поскользнулся, старался равновесие сохранить. Было?

Я припомнил, что боль возникла именно после такого случая, а я решил, что нерв защемило.

– Да, так все и было.

– Сейчас полечим, – сказал Влад и как-то кровожадно усмехнулся. Достал из шкафа тонкую иглу, такие иглы используют на процедурах иглоукалывания, и снова положил меня на кушетку. Нашел болезненное уплотнение в мышце и вонзил в него иглу. Сказать, что было больно, – значит, ничего не сказать.

– Потерпи, сейчас отпустит, – Влад все глубже погружал иглу в мышцу.

И действительно, боль из точечной, резкой, нестерпимой превратилась в разлитую, стала отдавать в ногу и постепенно угасла. Влад проделал такую же экзекуцию еще в нескольких точках и разрешил мне подняться.

– Ну-ка, подвигайся, полегчало?

– Полегчало! Влад, ты волшебник! – воскликнул я.

– Я не волшебник, а просто грамотный доктор. Таких докторов сейчас мало, цени, – Влад самодовольно ухмыльнулся и продолжил уже серьезно.

– Дома будешь свои триггеры разрабатывать сам. Ложишься на спину, кладешь теннисный мяч под самую большую точку, лежишь так, пока боль не пройдет те стадии, которые ты только что ощутил: усиление, иррадиация на периферию, уменьшение и тепло в месте давления, потом тихонько катаешься на мячике, прорабатываешь окружающие ткани минуты две, три. Никаких таблеток и упражнений пока тебе не надо. Понял?

– Понял.

Я с благодарностью посмотрел на Влада, и вновь меня поразило его перекошенное лицо.

– Влад, извини, а что у тебя с лицом?

Влад кисло поморщился.

– А-а... Видимо, тромб проскочил, что-то типа легкого инсульта.

– Инсульт?! И ты не лечишься, работаешь?!

– Да лечусь... И работаю, кому-то надо с вашими «остеохондрозами» разбираться. Некому работать, врачей грамотных не хватает: штат сократили в очередной раз, оптимизация по-русски... твою мать...

Это была наша последняя встреча.

«Неоконченный проект»

«...Врач – это средство повышенной опасности. Встреча с врачом – это как выезд на автомобиле на встречу, никогда не знаешь, чем закончится. Твое здоровье не нужно никому, кроме тебя самого. Работа у нас такая, с болячками разбираться. Работу можно любить, можно ненавидеть, можно просто отбывать неизбежное общение с пациентом по принципу: «Ну чего пристал, видишь, я работаю, отвали». «Люди в белых халатах... у смерти на пути...», как там, в песне поется? Мифы все это, да и сама медицина – набор мифов. Любой диагноз – это, по сути, миф, возникающий в сознании врача после сбора анамнеза. А врач подсознательно будет искать ту болезнь, которую он знает и умеет лечить. И вот этот миф ставится в основу твоего лечения, как правило, совсем небезобидными препаратами. А врачи в свое оправдание такую формулу придумали: «Если лекарство не имеет побочных, оно неэффективно». Иногда удается угадать верное направление и помочь организму справиться с недугом, а чаще промахиваемся и лишь усугубляем болезнь. Живой организм – слишком сложная штука, не умеет медицина с ним обращаться, далеко не все понимает, но пытается лечить...» – я вспомнил эту «разоблачительную» тираду моего товарища, которого, увы, уже не было на этом свете, по дороге в районную поликлинику, куда все-таки решил обратиться-

ся за рецептом на снотворное. Сон – великий целитель, а последнее время я почти не спал.

Невролог, к которому я пришел на прием, видимо, с первого взгляда распознал мое депрессивное состояние и, выслушав просьбу, отправил к психотерапевту, соврав, – ну, конечно же, во благо, – что им запретили выписывать снотворные.

На двери кабинета висела табличка: «Психотерапевт, Вячеслав Алексеевич Грачев». Очереди, к счастью, не было. Я постучался:

– Можно?

– Да, пожалуйста, проходите, присаживайтесь, слушаю вас.

– Я на минутку, доктор. Невролог не хочет выписывать снотворное, говорит, что это только через вас. Доктор полистал медицинскую карту и пристально посмотрел на меня.

– А что вас беспокоит? Бессонница просто так не возникает.

– Это долгая история – длиною в жизнь – не хочу отнимать ваше время.

– Ну, минут 30 у нас есть, обычно этого хватает, расскажите вашу историю.

Я совсем не собирался выворачивать душу, даже перед психотерапевтом, хотя интерьер кабинета располагал к откровенности. Я впервые попал к психотерапевту и был немало удивлен: в кабинете стоял полумрак, окна были задернуты

плотными шторами, за спиной психотерапевта располагался небольшой диван, в углу на журнальном столике красовался чайный сервиз, а у стены напротив стоял большой книжный шкаф, набитый книгами и... детскими игрушками. В глазах доктора читалась готовность помочь и даже что-то похожее на сочувствие. «А вдруг? – подумал я. – Вдруг этому доктору удастся найти корни всех моих проблем?». Это была соломинка, брошенная утопающему, и я ухватился за нее. Выговориться-то так хотелось.

Начал я, как полагается, с детства.

– В детстве я тянулся к музыке, к книжкам, но не модно это было, не для мальчика. Хлеба на этом не заработаешь. А сам я не понимал и стыдился себя за чувствительность излишнюю. Как же – мужиком хотел стать, как отец – морской офицер, воевавший с фашистами, как дядя – моряк-подводник, в конце концов, как сосед Генка, который за команду мастеров играл в хоккей.

Нас учили, что наука, техника, инженерия – это главное, определяющее прогресс. Гуманитарии не в чести были. Литература, искусство, философия всякая – второстепенно, прогрессу они не нужны и даже вредны, это для «гнилой интеллигенции». Эмоции нельзя напоказ, их надо сдерживать, особенно мужикам.

Дома радиола появилась, заглянул как-то вовнутрь: там лампы какие-то горят, интересно стало, потом друзья в радиокружок затащили, стал сам карманные приемники масте-

ритель. Ну вот, и выбрал я радиотехнику своей профессией. Хотя способности к точным наукам весьма скромные были. Математику, уравнения всякие не любил, я за ними жизни не видел, но надо было, без нее в технический вуз не поступишь. Пришлось выучить. Математик у нас в школе толковый был, умел в нас теоремы вбивать, натаскивал на типовых задачах. Ему через это большое уважение было и от учителей, и от учеников, и от начальства. Почти все его ученики, кто хотел, конечно, в технические вузы поступали. И я поступил на радиофак – один из самых престижных в то время факультетов. А чего я хотел тогда, в молодости, я и сам не знал толком... Литературу школьную не любил, не было хороших учителей, «правильный» образ Фамусова из «Горе от ума», который заставляли заучивать, до сих пор в печенках застрял. «Зачем мне прошлое ворошить, сейчас время другое, интересы другие», – думал я. Вся классика для меня под этим девизом прошла и была надолго похоронена, в зрелые годы наверстывал упущенное. А книжки, те, что нравились: приключения, фантастика, про космонавтов, про ученых – любил. Даже сам сочинял рассказы всякие. И музыку любил.

Семья у нас музыкальная была: дед на гитаре играл, бабушка – на балалайке, мама – на фортепиано. В детстве моем мы одной большой семьей жили в доме деда – маминого отца. По праздникам, когда гости собирались, немного выпив, взрослые всегда пели песни. Отец, правда, не пел, но тоже

музыку любил, помню, маму просил, когда гости расходились: «Аленка, поиграй Шопена». Меня тоже пытались к музыке приобщить – слух у меня был неплохой, взрослые это замечали, но не сложилось. В музыкальной школе, куда меня повели на прослушивание, мест на класс фортепиано уже не было, предложили на виолончель поступить, но я отказался: представил, как с этой бандурой через двор ходить буду, как пацаны гоготать начнут... Родители наняли частного учителя по фортепиано, мне хотелось импровизировать, сочинять, думал, она меня этому научит, а тут – гаммы... этюды... гаммы... Надоело. И школьная учительница пения меня всячески пыталась в хор завлечь: голос почувствовала, но там девчонки одни были – застыдился, не пошел. А потом спортом увлекся, и музыка отошла на второй план. Жалел, когда постарше стал, да и сейчас жалею, что не получил музыкального образования, бросил, на спорт променял. Впрочем, со спортом тоже не сложилось.

Тренер ДЮСШ уговорил меня заняться легкой атлетикой. В то время я быстро рос и показывал неплохие результаты: выигрывал первенство города, области, был призером первенства России. Но расти я скоро перестал – и результаты перестали расти, стали преследовать травмы. Но я был уже отравлен славой, долго не мог принять неизбежное расставание со спортом, которое все-таки произошло после очередной серьезной травмы.

С работой немного лучше получилось. Хоть и с трудом,

но радиофак я закончил. Правда, быстро понял, что не мое это, что ошибся я с выбором профессии. Думал, меня научат приемники, передатчики разрабатывать, чтоб с миром общаться. А меня учили ракетные системы проектировать и обслуживать, чтобы этому миру грозить из всех углов «необъятной отчизны». С третьего курса хотел уходить, но родители отговорили, мол, получи специальность, ведь столько уже труда затратил, а там можешь и во второй вуз поступить, если захочешь. Они лукавили, знали, что будет потом. На пятом курсе я женился. Жизнь в СССР – та, что напоказ, – пуританская была, чтобы получить доступ к телу девушки из приличной семьи, надо было на ней жениться (ну или хотя бы пообещать), внебрачные связи порицались, вот и пришлось мне себя убедить, что проснувшееся сексуальное чувство – это та самая любовь, большая и неповторимая, и есть. Никто нас не учил в этих вопросах разбираться. Что-то внутри сопротивлялось, но инстинкт победил, я сделал предложение. Про второе образование, конечно, пришлось забыть, семью надо было обеспечивать. Диплом я, однако, на отлично защитил, руководитель грамотный попался. Я за время дипломирования больше знаний получил, чем за пять лет учебы, опять интерес к профессии прорезался. Быстро до ведущего инженера дорос. На руководящую должность не хотел, понимал, что нервная система слабая, что с «железом» проще работать, чем с людьми. Да и не только в этом дело, думаю, – свободы хотелось, творчества, а чем

выше должность, тем более зависимым ты становишься, как ни странно, на первый взгляд, это может показаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.